

Вместо заключения

ВЗ.1. «Человек исторический» и «человек повседневный»

[Ниже — извлечения из работы Михаила Яковлевича Гефтера (1918—1995)¹ «История — позади? Историк — человек лишний?», датированной 1992-1993 гг. Впервые опубликована в посвященном М. Гефтеру тематическом выпуске журнала «Век XX и мир» (1996, № 1).

Этим текстом-размышлением и пророчеством, принадлежащим моему старшему современнику — историку и мыслителю, человеку исключительной глубины ума, силы духа и красоты души — хотелось бы увенчать эту книгу. — А. А.]

История — позади? Историк — человек лишний?

<...> В считанные годы и месяцы рухнули режимы, которые числились коммунистическими и в этом качестве призванными изменить (позже или раньше) образ жизни и духовный склад людей на «враждебной» и «ничейной» территориях. Тем самым в корне переменялось не только соотношение сил. Ушла опасность принуждения к извне приходящему выбору (что, собственно, уже и не выбор, а обманное подобие его). Точнее: ушла одна из разновидностей этой опасности. Самая ли страшная, если заглянуть вперед?

Спору нет, от того, куда двинется и что с собою сделает евразийская громада, в значительной мере зависит завтрашний день Мира. Но что суть **Мир** — в прихотливой сцепке различных «куда»? Впрочем, это последнее смущает даже в виде вопроса. Слишком многое свидетельствует, что «куда?» исчерпало свой кредит, — то ли потому, что люди окончательно определились, или оттого, что сам выбор бесповоротно изменил свой характер, раздробившись на серии последовательно осуществляемых задач, стал инструментальным, операциональным, чуждым патетике Цели (и вот уже нет места на Земле пророкам и вождям, всякой масти избавителям и заступникам, «преждевременным» и «нетерпеливым». Разве что переселятся они к мадам Тюссо либо в остаточные «палаты № 6»?..).

Не исключить, что водораздел теперешний и главный спор — где-то здесь. Извечный водораздел между меньшинством и большинством, между самозабвенно ищущими и теми, кто занят упорядочением уже добытого, — и свежий водораздел внутри Мира, расколотого на «развитых» и «развивающихся», но также внутри каждой цивилизации и даже каждого человека. Спор, прорывающийся наружу в интеллектуальных и политических баталиях, но скрыто присутствующий в «региональных» тяжбах и кровопролитиях.

События невятно запрашивают: удастся ли человеку, по силам ли ему вообще пережить и превозмочь в границах одного и того же времени агонию самоуничтожительной **однозначности** и конвульсии несводимой воедино **разнонаправленности**?

¹ О М. Я. Гефтере см. ранее, в томе 1 настоящей книги: глава 1; в томе 4: глава 25.

...На исходе Второго тысячелетия вновь слышится эхо падения Рама и мученических родов человечества: тогда еще замысла, выговариваемого безумными словами. Эпоха за эпохой испытывали катакомбный Проект на осуществимость и на человечность, выяснив, что нет ни заданной совместности того и другого, ни предрешенного разлада между ними. А есть путь и срок, образующие особое «тело» — историю. Когда мы спрашиваем себя: не покидает и нынешний мир идея **человечества как единственного единства**, оставляя пустоту, в которую ворвались стихии этноса, ярость «своего», непримиримость новоявленных сект, — мы тем самым спрашиваем: не оборвалась ли История, конченная без завершения?

Такова, если совсем коротко, моя тема.

* * *

<...> Даже потребность в близкосрочном прогнозе уводит сейчас в глубь веков; что уж говорить о любой попытке представить себе сравнительно отдаленное Завтра. Я употребляю слово представить, хотя в стиле времени уместнее было бы сказать — измерить. Но прогресс того, что Мартин Хайдеггер называл «рассчитывающим мышлением», как раз убеждает в бессилии последнего перед внезапностями нынешних сдвигов. Притом не перед деталями, какие, естественно, никому не дано предугадать. Нет, не о превратностях текущего речь. В главных неизвестных — масштаб событий, меняющих бытие, как и их необратимость, совместно образующие взрывчатую смесь поистине адской силы. Такова ли она в действительности или это наше сознание придает «финалистские» свойства очередному переходу от одной ступени человеческого развития к другой — открытый вопрос. Во всяком случае нам не отыскать ответа, не усомнившись предварительно в своей способности ответить. Не признав, что прозрение будущего наталкивается на капитальную трудность, характер которой заставляет подозревать, что причина — в будущем как таковом. Можно ли продолжать пользоваться этим понятием в достаточно строгом смысле, имея в виду, что «**будущее**» это не просто «то, что следует за...», а нечто, по самому определению своему отрицающее настоящее и загодя превосходящее его? То именно, что силится (каждым тактом жизни!) превратить настоящее в **бывшее будущее**, иначе — в **прошлое**.

А оно, прошлое, не теряет ли в силу этого свое предназначение в пределах людских? Вглядываясь в перемены, происходящие на глазах и при участии одного, максимум двух поколений, мы ощущаем, что в действие пришли (притом повсеместно) силы, дремавшие в глубинах эволюции человека. Если это так, то возникает следующий по очереди вопрос: допустимо ли силы эти отнести к тому, что привыкли мы понимать под историей? Поиски ответа вызывают к исследованию, а потребность последнего — к тому, чтобы раздвинуть внутри предел самого историознания, усовершенствовав в первую голову способы сопоставления разных типов, форм и уровней планетарных перемен в контексте их происхождения (всячески поощряя для этого научную кооперацию, межконтинентальные и междисциплинарные контакты, проекты и т. д.). Но, полагая, как ни велики будут усилия и успехи на этом поприще, они вряд ли окажутся способными привести к чему-то, удовлетворяющему сомнению, если «конкретные» историки не ввяжутся всерьез в

дискуссию, в центре которой — самая история: ее предмет, ее границы во времени и пространстве, правила, каким она следовала, постоянно их нарушая (и восстанавливая обновлением), свойственные ей запреты и ею порожденный класс принципиально новых промыслов человека, природа ее особенных страстей и характер ее «смирительных рубашек».

Я не собираюсь предъявлять тут свой взгляд на историю. Скороговоркой не скажешь, подробности требуют обсуждения. Однако три тезиса-предположения нельзя не назвать, чтобы от истории перейти к историку, а от него — себя ищущего веками — к нынешней злободневности его будто бы только профессиональных затруднений и тупиков.

Первый тезис: **антропогенность истории**. Сейчас история распахнула двери к естествоиспытателю. Илья Пригожин подтверждает свои пересмотры текстами Марка Блока. Вероятность правит бал, «флуктуации» и «бифуркации» не сходят с уст. Историку ли не пойти навстречу этой новизне? Рискуя остаться старомодным, хочу не опровергнуть, а возразить. Не специфичность истории отстаивая, а, если угодно, ее исключительность, утверждая: из всего живого **историей обладает только человек!** Ибо история — не просто изменение во времени — при активном и даже возрастающем «участии» сознания. Нет, сознание — не в участниках, оно притязает на авторство. Человек, сделавший «первый» шаг в истории, обрекает себя на следующий. Он **преобразует бесстрастное Время в собственное пространство-поприще**. Он рвется «вперед и вверх», внушая себе, что это-то движение, именуемое поступательным, способно вместить и исчерпать собою все и вся. Серьезный в своей трогательности вопрос: что раньше — курица или яйцо? В нашем случае: человек исторический или историческое время? Ответа нет, ибо в бесконечном (?) возобновлении и сам вопрос. Протоchеловек — протовремя, и не единый раз.

Из первого тезиса — второй: **история возникает**. Не до человека и не вместе с ним, а внутри собственно человеческого существования. Спорят о хронологии, об одновременности начального рубежа в автономных точках, но как раз в свете этих споров проясняется краеугольное: не из отдельных историй слагается, строится ИСТОРИЯ, а наоборот. В исходном пункте, а стало быть, и в конечном, она — одна, единственная. Не Мир предшествует ей, а это она производит Мир.

Многими тысячелетиями человек не нуждался в понятии Мир, не тревожился им, пока древний Рим равномерного прогресса не сопрягнулся особенным, превосходящим общее. **Всемирность** была заявлена Голгофой: рядовым событием внутри малой человеческой общности, значение которого росло изнутри него — не простым узнаванием, а соучастием задним числом, и таким именно, которое открыто всякому, любому. «...Будучи свободен от всех, я всем поработил себя... чтобы спасти по крайней мере некоторых» (I-е, Кф., 9, 19, 22). В этих страстных и темных строках — прообраз незаданного будущего, нуждавшегося в **сотворяемом предвещении**. Что иное «второе пришествие», как не бытие Конца, производящего вновь и вновь Начало? Что иное человечество, как не избранничество, свободное от какого-либо превосходства человека над человеком? Что иное история, как не человечество-путь, совершаемый в «обратном» порядке: от всесветной искомости к тому, что налицо — в виде идеи, превращенной в очаг, в «локус», где уже в свернутом виде вся ойкумена?

Из первых двух тезисов — третий: **история, раз возникнув, стремится преодолеть собственную ограниченность**. Каждый предел — рубеж. Каждый виток ее экспансии — ступень восхождения. Каждый «захват» — раздвижка основания, прирост родословной: все живые и все мертвые не больше, чем пролог, пьедестал.

И что же — удалось? Наш век — проверщик, быть может, и не догадывающийся, что бьется он о вмещаемость жизни в генезис, о возобновляемость «начал» усмиренным, задействованным Концом...

Я отдаю себе отчет, что эти выражения не отличаются строгостью, их легко упрекнуть в беллетристичности. Для меня, однако, это, может быть, и не лучший, но оправданный способ освободиться из тенет «прогрессистского» словоупотребления, не отвлекаясь вместе с тем от участи людей, от их страданий и от их надежд. Я знаю, как облегчает душу отыскание в истории злосчастных обстоятельств и «конкретных» виновников. И как, напротив, соблазнительно клонит к всеобщей индугенции мысль о том, что история не только не свободна от зла, оказывая ему систематическое гостеприимство, но что она в огромной степени движима злом, и не абстрактным «манихейским» злом, а тем, которое проистекает из ее же, истории, сокровенного смысла, из ее масштаба и замаха, из той одержимости восхождением, из того первичного незаданного будущего, которые в дальнейшем она «задает» уже как императив, как наказ и норму всем втягиваемым в ее лоно цивилизациям и людям.

В капкан этот легко угодить, путая «суд истории» с презумпцией невиновности, признавая всех равно правыми и равно принужденными соучаствовать в том **насилии добра**, которое в такой же мере атрибут (и синоним!) истории, как и одействляемая ею утопия, как и революция, которая в своих классических формах и недовершаема, и избыточна. Дано ли уйти от этих крайностей, не затрагивая порождающую их суть? Понять ли, минуя **историю Истории**, нынешнее особенное безвременье, в отношении которого нельзя отделаться от подозрения, что его уже не удастся превратить в очередное из переживаемых людьми междувремений? Избавиться ли от того гнетущего чувства тупика, в который исторический человек завел сам себя, если не предположить, что вездесущность, всеприсутствие истории в мыслях и делах людских есть специфический обман зрения (который ею же и порождается, которыми она в огромной степени держится) — и что на самом деле история всегда «окружена» тем, что в своей совокупности может быть обозначено как великое ВНЕ — многомерный океан человеческой повседневности, которую панисторизм принимает за недо-историю, в лучшем случае — за свою «предпосылку», в худшем — за досадную помеху поступательности? На свой лад он прав, панисторик. На языке доктрин и теорий он выражает категорическое свойство самой истории — безудержное ее стремление к всеохватности. Иудеохристианский зачин, сроднившись с властью и облекшись в материю жизнедеятельности, шаг за шагом раздвигал границы своего домена. Наталкиваясь на препятствия, сражал их, но также вбирал — обезоруженные — внутрь себя, потребляя всякого рода ереси и мятежников в качестве источников собственного развития. Разве утопия и революция являются только спутниками и плодами истории, а не ее двойниками-синонимами?

Прав-то он прав, панисторизм, да всего лишь на свой лад. Из того, что он жаждет быть всем, отнюдь не следует, что он способен стать всем. Ибо «вне истории» — не сырье. У него не только свое лицо, но и свое **Время**, и свое **Развитие**. И если это развитие не реализует себя в восхождении, если оно оппонирует пресловутому «ускорению истории», то не значит ли это, что рядом с мировой историей существует всеобщее «**Вне-истории**» с собственным субъектом, и что теперь пришел его час выйти из-за кулис, заполнив собою всю сцену?

Если история в отрешенно-чистом виде всегда равна самой себе, добиваясь полного и абсолютного совершенства, по отношению к которому все (что было и осталось позади) не меньше, но и не более, чем пролог и пьедестал, то незамечаемое, как эфир, **вне-истории** отстаивает преемственность, диалог, в котором **мертвые равноценны живым**. Чем бы держалась культура, ее автономия в рамках универсума, если бы она не оппонировала и внутри, и вне себя переиначиванию историей?!

В конечном счете, «человек исторический» — некая условность или безусловность одной из двух ипостасей человека, второй из которых является «человек повседневный». Им трудно ужиться друг с другом. Схватки между ними формируют лики эпохи. Допустимо ли считать историю неизменной победительницей? До поры до времени мы принимали кажимость за действительность. Ныне много виднее, что история своими «концами», как и своими «началами», чертила собственный предел, неся в самой себе не только развязку, но и расплату.

В решающий момент **повседневность** предъявляет заявку на ту единственность смысла, который пыталась узурпировать история. По силам ли вынести это человеку?

Обсуждению подлежит: вправе ли мы считать современного человека самоуничтожающей разновидностью Homo historicus или же это уже другой человек, и если еще не вполне иной, то промежуточный: ни прежний, ни вовсе новый — мучительно застрявший в еще неизвестном, еще не опознанном им самом «промежутке».

* * *

<...> Ум человеческий привык отличать постижимую реальность от абсурда, уходящего в подвалы психики и разъясняемого природой ее отклонения. Для историка это, как правило, закрытая сфера. До известной степени она затрагивается лишь исследованием суеверий, сумеречных взлетов мистики, вмешивающейся в ход событий, и особой роли, которую в преддвериях играют харизматические персонажи. Но в целом, особенно когда речь идет о «движущих силах» и превращенных в действительность предпосылок, абсурд не попадает в поле зрения историка, поскольку он (абсурд) заведомо а-историчен. Я не собираюсь оспаривать это, а предлагаю лишь взглянуть в этот феномен с той именно стороны, которая отключает его от привычного понимания истории. Абсурд как сигнал, извещающий о том, что история достигла своего предела, а «человек исторический» оказался в пограничье между исчезающим прошлым и тем, что ждет его впереди, теряя при этом имя «будущего», — вот что преследует меня, ставя под сомнение право считать себя историком и вну-

шая мне подозрение, что, цепляясь за этот (сросшийся с жизнью) статус, я способен невольно ввести в обман людей, привыкших с уважением относиться к нашей старой профессии. Впрочем, я, вероятно, не совсем точно определил свое отношение к абсурду, назвав его сигналом. Нет, он — нечто большее. В моих глазах он — поводырь, вводящий нас в неведомую жизнь-после-истории, он — наш посредник в первых контактах с тем, что приходит на смену понятию «будущего», а стало быть, и «прошлого».

Может показаться, что мне следовало не завершить этим, а начать и что безло затронутые выше сюжеты не в состоянии служить полноценным доказательством при возведении абсурда в своего рода двойника пост-исторического Гомо. Не исключаю. Позволю лишь заметить, что у предлагаемого хода мысли есть биографическое основание, что это как бы эпикриз из истории болезни человека, принадлежащего к повергнутому или, употребляя выражение Пушкина, «падшему» поколению, существование которого, однако, не лишено, мне кажется смысла, для тех, кто после...

М. Я. Гефтер.

(Цит. по: Аутсайдер — человек вопроса. М.: Век XX и мир. 1996, № 1, с. 11-18, 32)

Ремарка 1: вновь и вновь возвращаясь к М. Гефтеру.

Из предисловия к сборнику «Аутсайдер — человек вопроса» (1996)²:

«...В тот год (1993. — А. А.) Михаилу Яковлевичу Гефтеру исполнилось 75. Несуебно подводил итоги. Привычка «итожиться» парадоксально сосуществовала с органической недо-высказанностью. Он сам однажды определил это свое свойство: “Мои тексты назойливо тянут к незавершенности всего, о чем говорю...”. Точно состыковал принципиальную открытость с бесконечностью обговаривания проблем, догадок. С устным Словом как пусковым механизмом сомнения.

При всякой возможности М. Я. стремился подключить собеседника к собственным размышлениям. Сократическая беседа — поступок. Полотно повседневного обрета полифактурность влечением непредуказанных мысленных тем, сюжетных ходов, сопоставлений. Помогала установка на жизнь как Встречу. Открытость всякой новой подпитывалась уверенностью: самое неожиданное — человек. Вот только оставалось не вполне ясным, какой след-остаток оседает впечатлением, итогом.

...Гефтер болезненно осознавал собственную неумещаемость в тексты. И лучшие многих понимал, что эпоха, время (его эпоха, его мир, которого уже нет) — не одними фактами и событиями маркированы, но и едва уловимым: интонациями, тембром, ритмо-полифонией. Но ведь собеседнику дарован слух... А ему, Гефтеру, — стремление передать самое нематериальное из былого — страсть и чувство, мироощущение и нюансы смыслов...» (Аутсайдер — человек вопроса..., с. 5-7)

И еще, из этого же сборника:

«...Прежде всего: Михаил Яковлевич — редкий случай действительно принципиального человека. С мужественной неукротимой последовательностью

² Автор предисловия под названием «О форме плана» (она же — составитель и редактор названного сборника) — Елена Высокочина.

он **строит** свою жизнь, свои поступки, свое общение с людьми, исходя из велений исповедуемого Принципа. Здесь он не отступит ни перед какой трудностью и опасностью. С той же последовательностью, безоглядностью и самопожертвованием, с какой действовал в принципах коммунизма, партийной романтики («мы идем по узкой тропе, крепко взявшись за руки, окруженные...»), с той же безоговорочностью и твердостью **поступил** он, когда — после долгих и мучительных раздумий, — разглядел каверны и зияния этого исходного принципа (отнюдь не отказавшись от каких-то его основ, не перекрасившись; в себе сохраняя свое прошлое...). Твердо и спокойно в очень трудные годы, задолго до всяческих «перестроек», вышел он из партии, как только осознал преступность ее линии, ее политики. — Раз я так думаю, я так поступаю — вот его максима. Это не только мужество поступка, но и отвага мысли. Ее — мысли — пограничность с действием.

...И еще одна черта образа жизни и мыслей Михаила Яковлевича. На первый взгляд, будто бы спорящая с первой. На самом деле — позволяет точнее ее, первую, понять. Гефтеру всегда (внутренне, по особенностям своего душевного устройства) важно каждый свой “руководящий принцип” как-то персонализировать, вникнуть в его исток в собственно человеческой биографии, в каких-то до-мыслительных импульсах...» (Библер В. С. Жизнь — поступок / Аутсайдер — человек вопроса..., с. 198-199).

Из предисловия к книге публицистики и исторических эссе М. Я. Гефтера «Из тех и этих лет» (1991):

«...Родился 24 августа 1918 г. в Симферополе. Прошел истфак Московского университета. На фронт в 41-м ушел добровольцем (отдельный истребительный батальон Красной Пресни, который влился в 8-й полк московских рабочих 5-й Московской коммунистической дивизии). Сражался за Ржев. Награжден солдатской “Славой”. Затем — работа в Институте истории Академии наук СССР, занятия “многоукладностью” предоктябрьской России, русским народничеством, “Россикой” Маркса, проблемами генезиса ленинской мысли, теорией мирового исторического процесса. Член главной редакции “Всемирной истории”. С середины 60-х годов возглавлял сектор методологии истории — один из немногих тогда очагов ищущей мысли; судьба его известна: разгром по велению “сверху”.

1976 год — разрыв М. Я. Гефтера с официальной наукой, добровольный уход на пенсию “до срока”. За роскошь сохранения внутренней свободы время требовало платы... Были — выход из КПСС (февраль 1982), обыски — и непрерывная работа.³

...Пафос “тех и этих лет” неотделим от близости к тем, кого автор зовет “мои молодые друзья”... Нет тут, пожалуй, кружка, не создано школы — ибо нет кружковой замкнутости и регулярности школьных отношений; но каждому, кто из этой малой “гефтеровской” среды, дано было пережить и острую радость

³ Сам М. Я. пишет в своей «Автобиографии»:

«...В 1976 году ушел из Академии наук, стал пенсионером. Продолжал интенсивно работать “в стол”, умножая число рукописей неопубликованных книг... С середины 1970 — участник правозащитного и диссидентского движения. Один из основателей и авторов диссидентского свободного самиздатского журнала “Поиски” (1977—1981)... С 1987 года стал вновь печататься...» (Цит. по: Аутсайдер — человек вопроса..., с. 8).

ученичества, и благодарность за ничем не заменяемые часы общения (выделено мною. — А. А.)...» (авт. — В. И. Максименко; цит. по: Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991).

...Вот таким помню Михаила Яковлевича Гефтере и я, счастливый *Встречей* с ним и хотя бы одним эпизодом — не только собеседничества, но и соавторства: андерграундное экспертно-прогностическое исследование «Ожидаете ли Вы перемен?»; рубеж 1970—80-х гг.⁴ (Апрель — июль 2005).

Ремарка 2: «...диалог во имя взаимопонимания».

Так формулировался принцип, заложенный М. Я. Гефтером и его младшими товарищами в дело издания свободного московского журнала «Поиски», явившего собой одну из ярких страниц истории инакомыслия конца 70-х — начала 80-х гг.

Издание журнала «Поиски» в Москве и подготовка и проведение экспертного опроса по методике «Ожидаете ли Вы перемен?» в Ленинграде совпадают по времени (1978–1980). Однако, в отличие от конспиративности экспертно-прогностического исследования, создатели журнала «Поиски» принципиально действовали *в открытую*.⁵

«Поиски» просуществовали два года (вышло 8 номеров). В декабре 1979 г. были арестованы двое из членов редколлегии (В. Абрамкин и В. Сорокин).

Из «Последнего заявления редакции журнала «Поиски» от 31 декабря 1979 г.: «...Поставленные перед насильственной и лживой дилеммой: смириться с чьим-то правом ставить пределы для ищущей мысли или уйти в подполье, — мы отвергаем то и другое как равно ложное. Мы оставляем за собой простое право — определить самим форму и срок продолжения дела, равноценного для нас смыслу жизни.

Мы отказываемся сегодня и в дальнейшем — прятаться и спорить шепотом.

Мы не ввели игры в “политику” — и не согласны на условную ничью, чего, видимо, от нас ждут. Адресуясь к читателю и соотечественнику, мы признаем

⁴ Не люблю цитировать дарственные надписи. Но тут сделаю исключение: Михаил Яковлевич подарил мне свою книгу «Из тех и этих лет», написав: «Андрею Алексееву, в знак давнишней дружбы и душевного согласия. XI.1991. М. Г.». Чем горжусь! См. также раздел 1.3 в томе 1 настоящей книги.

⁵ «...В 1979 г. появился литературно-публицистический толстый (200–300 страниц в выпуске) самиздатский журнал “Поиски” с подзаголовком “свободный московский журнал” и с именами членов редколлегии на титульном листе: Валерий Абрамкин, Петр Абовин-Егидес, Раиса Лерт, Павел Прыжов (псевдоним, позднее раскрытый — Глеб Павловский). В следующих выпусках «Поисков» дополнительно были объявлены члены редколлегии Владимир Гершуни, Юрий Гримм, Виктор Сокирко и Виктор Сорокин.

Первый выпуск «Поисков» открывается “Приглашением”, в котором члены редколлегии пояснили: «Нашему замыслу соответствовало бы названия слишком длинное для журнала — “Поиски взаимопонимания”... К участию в наших “Поисках” мы приглашаем всех, кто за взаимопонимание... Мы пережили с 1953 г. целую полосу надежд и крушений, изгнания старых и новых иллюзий... Это время, ...переломившись в 1968-м, пришло к концу... Глядя на собственные наши тупики, вложив персты в наши раны, — кто рискнет сказать с полной уверенностью: я знаю лечение, я вижу выход?! Ожесточенность, вражда между ищущими выхода в разных направлениях делает общие тупики все глубже и раздражимей. Редколлегия “Поисков” призывает к взаимной уступчивости и терпимости ради совместных поисков выхода из общей беды»...» (Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс — Москва: Весть, 1992, с. 265).

См. также: Гефтер М. Я. Из тех и этих лет..., с. 83–84. Извлечение из статьи М. Гефтера «Накануне», писаной для последнего номера «Поисков» (октябрь–ноябрь 1979 г.) см. в томе 1 настоящей книги: раздел 1.4.

лишь его критическое верховенство. Мы повторяем, что готовы все вместе с Валерием Абрамкиным отстаивать законность “Поисков” и необходимость честного диалога с теми странами, гражданами и государствами...» (Цит. по: Гефтер М. Я. Из тех и этих лет..., с. 185–186).

Из письма М. Я. Гефтера Генеральному прокурору СССР от 26 апреля 1982 г.: «...Моя причастность к “Поиска” не составляет тайны. И не потому, что нечто ранее скрытое оказалось разоблаченным и теперь его нет резона утаивать. Нет, этой тайны не было с самого начала. Более того — тайна была отвергнута как таковая — всеми, кто решил учредить “Поиски”, положив в основание их принцип *открытой мысли и диалога убеждения* (не ограниченного ни составом вопросов, ни составом участников). Мое добровольное и обдуманное решение участвовать в “Поисках” было обусловлено активным согласием с указанным принципом. Оно документируется текстом “Приглашения”, написанного мною и опубликованного в первом номере журнала.

...Нет ныне другого способа сдвинуться с “мертвой точки”, чем Диалог. Под “мертвой точкой” же я понимаю не только масштаб и остроту проблем, нависших над всеми нами, но и нерешаемость этих проблем (как домашних, так и мировых). Под “мертвой точкой” я понимаю также противостояние — и внешнее, и внутреннее...» (Там же, с. 198).

(Июнь–июль 2005).

ВЗ.2. Апология диалога и плюрализма в научном познании

ВЗ.2.1. Вновь и вновь возвращаясь к А. Любичеву⁶

Из заметок Ю. Шрейдера об А. А. Любичеве (1973)

<...> Александр Александрович не был в узком смысле человеком своего времени, человеком, которого творила его эпоха. Он был «человеком на все времена», одним из тех, кто творил климат эпохи. Он мог трезво относиться к пониманию смысла науки потому, что он не был жестоко связан сегодняшним сиюминутным пониманием этого смысла. Сегодняшняя наука была для него одним из многих этапов диалектического развития человеческой мысли, явно отвергающей те корни, из которых она невяно выросла. Для него наука шла к сегодняшнему состоянию из многих истоков, и он пытался осмыслить ее, не ограничиваясь представлением современной науки о самой себе. Тем самым он избежал порочного круга, в который попали, например, Н. Винер и С. Лем, когда пытались осмыслить развитие науки, оставаясь в рамках созданных этой же наукой методических постулатов и позитивных воззрений.

Благодаря ощущению прошлого, он лучше многих других видел ростки будущего, едва различимые в настоящем. Свое отношение к науке он выразил прекрасными словами о том, что ее здание никогда не строится на пустом месте и никогда не достраивается до конца. Новая эпоха склонна порой считать

⁶ Об Александре Александровиче Любичеве (1890—1972) см. ранее, в томе 1 настоящей книги: раздел 6.5 и приложение 3 к главе 6; в томе 2: раздел 8.12; в томе 4: приложение 3 к главе 23.

предрассудком то, что накоплено предыдущими. Но не бывает чистых предрассудков, как не бывает окончательных истин в последней инстанции. <...>

Мы часто понимаем науку как прогрессивное накопление новых фактов. Действительно, стремление к добыче новых фактов, новых конкретных и полезных знаний о мире — это лейтмотив сегодняшней науки. Но кроме индустрии знаний наука имеет и другой аспект, определяемый стремлением понять сущность мира. Этот аспект науки был наиболее дорог и важен для А. А. Любищева. И тут бывает важнее наблюдение и осмысление известного, чем ворох новых фактов. О значении «Монблана фактов» для обоснования той или иной теории и об «Эверестах фактов», неблагоприятных или безразличных к этой же теории, прекрасно написано в <...> «Уроках истории науки». Но в осмыслении фактов Любищев видел не столько прогрессивное накопление новых идей, сколько трансформацию некоторых «вечных» идей, идущих еще от древних греков. Отсюда его пристальный интерес к истории воплощения идей, к диалектической смене, борьбе и сосуществованию идей, находящихся в каждый исторический период свое конкретное воплощение. Под его пером внезапно раскрывалось, как аристотелевская идея энтелехии, жизненной силы неожиданно возникает в новом обличье в трудах современного биофизика Рашевского, как высмеянная Вольтером телеологическая идея преадаптации заново появляется в современной биологии. И это еще раз объясняет незначительное количество ссылок на самого Любищева. Наша система ссылок основана на предположении «марковости» процесса развития, на том, что накапливая новые факты, мы продолжаем дело своих непосредственных предшественников.

Будущее поведение марковского процесса определяется (стохастически, вероятно) его состоянием в данный момент. Именно так мы обычно представляем поступательное движение науки: как развитие дальнейшей деятельности под влиянием накопленного запаса знаний. Именно так науковедение объясняет наблюдаемый экспоненциальный рост науки.

Научная ссылка есть средство охарактеризовать добытое нами приращение знаний, по сравнению с предшественниками. Но весь пафос работ Любищева в том, что развитие идей идет не как «марковский» процесс, но неким интегральным образом, как трансформация воплощений вечных идей. Он наталкивает нас на подлинные истоки, уходящие вглубь времен. И одновременно подсказывает, как увидеть в будущем воплощение тех же идей в приличествующем одеянии.

<...> Именно умение А. А. Любищева критически осмысливать очевидные вещи, понимая, что очевидность целей — понятие историческое, а не абсолютное, делает его человеком не только прочно связанным с прошлым, но и ясно понимающим будущее. <...>

(Ю. А. Шрейдер. Заметки об Александре Александровиче Любищеве (1973) / Любищевские чтения. Ульяновск: УлГПУ, 1999, с. 12-14).⁷

⁷ Юлий Анатольевич Шрейдер (1927—1998) — математик, философ. Из его богатейшего творческого наследия наиболее известны: «Равенство, сходство, порядок» (1971), «Лекции по этике» (1994), «Этика: введение в предмет» (1998).

* * *

А. Любищев — Б. Кузину (январь 1949)⁸

<...> А разве так уж хорошо безусловно верить в свою правоту и смотреть на всех инакомыслящих с чувством горделивого превосходства? [Здесь и далее выделено мною. — А. А.]. По-моему, это и есть источник подлинного фанатизма: человек остается вполне приличным человеком, пока его воздействие на инакомыслящих ограничивается возможностью взирать на них с чувством горделивого превосходства, но как только у него появляются иные методы ведения спора, то он редко воздерживается от соблазна заткнуть противный рот, и он это действие оправдывает именно тем, что твердо уверен в своей правоте.

Моя точка зрения иная: **истинный ученый и искатель истины никогда абсолютной уверенности не имеет** (конечно, дело касается тех областей знания, где существуют споры): он пытается все новыми и новыми аргументами добиться согласия своего противника не потому, что он чувствует горделивое превосходство перед ним и не из тщеславия, а прежде всего для того, чтобы проверить собственные убеждения и не прекращает спора до тех пор, пока не убедился, что точно понял всю аргументацию противника, что противник держится своих взглядов не на основании строго объективных данных, а по причине тех или иных предрассудков и что, следовательно, дальнейший спор бесполезен на данном этапе. Я считаю, что **серьезный спор может быть окончен только тогда, когда автор может изложить мнение противника с такой же степенью убедительности, с какой его излагает противник, но потом прибавить рассуждение, показывающее подсознательные корни предрассудков противника**. Учителем в искусстве такого спора, по-моему, является величайший философ всех времен и народов Платон. <...>

(Цит. по: А. А. Любищев. Мысли о многом. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 1997, с. 11-12)

* * *

Из работы Р. Баранцева «К целостности диалога» (1999)

<...> Любопытно проследить за стремлением осмыслить пространство диалога таких незаурядных людей как А. А. Любищев и Б. С. Кузин... В письме от 02.10.49, т. е. ровно 50 лет назад, Борис Сергеевич формулировал следующие три условия продуктивного и интересного диалога: 1) твердая уверенность, что твой противник может тебя понять; 2) такая же уверенность, что он хочет тебя понять; 3) признание за противником полного и законного права иметь отличные от твоих мнения. Раскритиковав каждое из этих условий, Александр Александрович 09.11.49 предложил свои: 1) наличие общих интересов; 2) наличие в сфере этих общих интересов важных спорных проблем; 3) разнообразие подходов у диспу-

⁸ Борис Сергеевич Кузин (1903—1973) — докт. биол. наук, энтомолог.

тантов к этим проблемам; 4) наличие «искательства» в области данных проблем, иначе говоря, отсутствие твердой уверенности в окончательности намечаемых решений. В ответном письме от 24.11.49 Б. С. признал: «Мы вовсе и не спорим, а просто излагаем каждый друг другу свою ересь, цепляясь только за те положения, которые дают повод к обоснованию или развитию того или иного пункта этих ересей... Конечно, во всем нужно знать меру. Но эта мера, как такт, вкус и тому подобные почти синонимы, абсолютны иррациональны. И я боюсь, что Ваши попытки подвести рациональный базис под них окажутся мало обоснованными».

Возвращаясь к этому вопросу через 22 года в переписке с А. А. Гурвич <...>, Б. С. отмечает: «Самое главное при всяком разговоре точно знать сферу взаимного понимания, чтобы не выходить за ее пределы и не превращать беседу в спор... Вероятно, в основе споров заложено стремление к подавлению чужой индивидуальности. Не потому ли так несносны спорщики-профессионалы?... Борьба с чужой индивидуальностью приводит только к взаимному отчуждению, к утрате собеседника...»

<...> Слово «диалог» все явственнее звучит в названиях международных конференций. Однако обычно, в силу привычки, утраченной веками господства бинарной парадигмы, имеется в виду диалог двусторонний: физики — лирики, правые — левые, Запад — Восток и т. п. При этом всегда угрожает опасность превращение диалога в неразрешимый спор, если не привлекать со стороны дополнительные соображения, третьей стороны, меру компромисса. В бинарном представлении целостность недостижима.

Переходя к троичной структуре, нет необходимости искать другой термин, так как в широком смысле диалог — это разговор нескольких лиц, не обязательно двух, ибо приставка здесь не «ди-» (два), а «диа-» (сквозь, через), как в словах: диагноз, диаскоп, диаграмма. Точно так же суть диалектики не сводится к «раздвоению единого», как с некоторых пор привыкли считать многие наши философы. <...> Понятия диалектики, диалога, диахронии этимологически вполне способны выйти в многомерное смысловое пространство на пути к обретению целостности. <...>

Р. Баранцев

(Цит. по: Культура XXI века: диалог и сотрудничество. Владивосток, 1999, с. 26-28)

В3.2.2. Критический плюрализм А. А. Любищева

[Ниже — тезисы одноименного доклада Ю. В. Линника⁹, подготовленного к XIX Любищевским чтениям в Ульяновске, состоявшимся в апреле 2005 г. — А. А.]

⁹ Юрий Владимирович Линник — философ, культуролог, поэт (живет в г. Петрозаводске). См. о нем ранее, в томе 3 настоящей книги: раздел 17.14; в томе 4: раздел 25.3. Стихи Ю. Линника читатель не раз мог встретить в качестве «внутренних эпиграфов» на страницах этой книги.

1. Заимствуя понятие «критический плюрализм» у К. Поппера, я хочу подчеркнуть, что между ним и А. А. Любищевым немало созвучий (Поппер К. Все люди — философы. М., 2002, с. 26). Сопоставление двух мыслителей укрепляет мое убеждение, что критический рационализм эволюционирует в направлении критического плюрализма — находит в нем оптимальную для себя форму.

Трудно представить критическую форму монизма — естественное для него тяготение к унификации оборачивается догматизмом; внутри монизма затруднена полемика.

Замечательно, что декартовский дуализм зарождается в лоне радикального сомнения, — однако существует опасность, что он будет бесконечно осциллировать между своими полюсами, не получая положительного разрешения. Тем не менее самоочевидно, что дуализм и критицизм совместимы — в рамках этого мировоззрения разум обретает почву для спора, диалога, дискуссии. Напомним, что главное назначение разума К. Поппера видел как раз в инициации «критической дискуссии» — и дуализм, изоморфный бинарному коду бытия, тут является отличным ферментом (Там же). Но еще более этой задаче соответствует плюрализм.

2. «Критическая дискуссия» у К. Поппера — это не только внешняя арена для разума, но и выражение его сущностной природы. Разум призван дискутировать с самим собой! И дискутировать критически. Разум есть нескончаемая самодискуссия. Это прекрасно показал родоначальник рационализма Сократ. Вспомним, что провоцированные им споры внутренне плюралистичны — в них сталкиваются не два, а чаще несколько подходов. Для Сократа «критическая дискуссия» была не просто методом, а скорее образом жизни, который хотелось бы спроецировать на весь социум. К. Поппер приходит к схожим мыслям. Состояние перманентной «критической дискуссии» — это норма для открытого демократического общества. Повторим еще раз: рационалистический монизм быстро исчерпывает себя, закостеневающая в своих претензиях на исключительность и бесспорность; критический дуализм, содействуя зарождению столь важных для познания антиномий, грозит навечно оставить их неразрешенными; нельзя исключить, что духу истины — и духу свободы — максимально соответствует именно критический плюрализм.

3. Диалоги Платона могут вести к вполне монистическому выводу. Но это движение осуществляется в атмосфере толерантности. Все высказываются в полную меру — нет ни прерогатив, ни дискриминаций. Цензура отсутствует начисто. Вот здоровый пример! Характерно, что ранние диалоги Платона — их называют «сократическими» — часто оставляют обсуждаемую тему открытой; нет вывода — нет результирующей — нет окончательной дефиниции! Очень возможно, что в этой незавершенности своеобразно проявилась разомкнутость истины — ее внутреннее родство с бесконечностью. Диалоги Платона оказали весьма нетривиальное влияние и на стиль мышления А. А. Любищева, и на поэтику его статей. Часто они как бы изоморфны диалогам Платона. Это неявный изоморфизм. Тем не менее именно в нем находит свое самое тонкое и сокровенное выражение глубокая привязанность А. А. Любищева к Платону. Вот вторая часть статьи «Уроки истории науки».

Здесь поочередно обсуждается гегемония авторитетов, большинства, практики, традиции, математики, точных наук, эксперимента. По сути каждый «гегемон» — как участник диалога, или полиалога: все они не просто последовательно «выступают», но и спорят между собой. Если редуцировать диалоги Платона к их смысловой составляющей, убрав персоналии и драматургию, то мы получим схожую канву. Можно представить и обратную операцию — своего рода инсценировку статей А. А. Любищева. Тогда они станут похожими на диалоги Платона. Такая транскрипция может иметь разве лишь игровое или педагогическое оправдание. Но главное, что она принципиально возможна: диалогизм — и именно платоновский диалогизм! — как бы имманентен стилистике А. А. Любищева.

4. Не элиминация оппонентов, а скорее их культивирование: вот установка «критического плюрализма». Разум зиждется на изначальной бифуркации Единого, запускающей ветвящуюся цепь тез и антитез. Единое само по себе мета-разумно. А потому и несказуемо. Тогда как раздвоение Единого ведет к бинарному коду, который является структурной основой и сократического диалога, и кантовских антиномий. «Критический плюрализм» имеет глубочайшее онтологическое обоснование. Дискуссии — это жизненное; там, где дискуссия невозможна, верх берет унификация, замещающая ничтожное Единое на социальном уровне; за псевдо-согласием и псевдо-единодушием может скрываться танатофилия — влечение к небытию. Таков коммунистический социум — дискуссия там табуирована! Дискуссия витальна. В ней находит свое выражение антиэнтропийное начало бытия.

5. В сократических диалогах Платона звучит полифония критического разума. Монофония разуму противопоставлена. Она опять-таки заканчивается обрывом в Единое, не знающее никаких различий и противоположений — разум в такой ситуации не только не может мыслить самого себя: его попросту нет. Разногласие мнений нужна разуму как питающая среда. П. А. Флоренский называл диалоги Платона «драматизированными антиномиями». Тут возможно не только классическое двухголосие, но и многоголосие: когда структура спора, перерастая диаду, уводит к триаде, тетрактиде и более сложным сочетаниям. Такое многоголосие характерно для А. А. Любищева. Например, он сравнивает семь гипотез происхождения позвоночных — и каждая из них представлена своими лучшими аргументами. Как бы воссоздается атмосфера платоновского симпозиона! Состязательность способствует оптимальному выбору. Когда делается отбраковка, то она мотивируется всесторонне; отброшенное помогает укрепиться апробированному — оказавшиеся неверными или избыточными движения мысли не пропадают втуне.

6. В кантовских антиномиях спорят два голоса. Г. В. Ф. Гегель введением синтеза добавляет к ним третий. Но этот процесс может быть продолжен! Исходная диада если не снимается здесь вовсе, то все же теряет жесткий характер, открывая путь к новым, подчас весьма нетривиальным возможностям. Очень вероятно, что плюрализация коррелирует с уровнем организованности: в фундаменте бытия — где раздвоение Единого обнаруживается со всей непосредственностью — мы находим четко бинарные структуры типа корпускулярно-волнового дуализма, но с подъемом на более высокие ступени

происходит размывание оппозиций и замещение их более сложными, не двух-, а многочленными схемами. Эта тенденция созвучна «критическому плюрализму», собственно, она и делает его возможным. Утвердившись в исходной дихотомии, критический разум не исключает возможности ее расшатывания, ослабления — исподволь он переходит к политике, преодолевая привычный алгоритм альтернативного мышления.

7. У А. А. Любищева мы видим явную тягу к вовлечению в критический анализ как можно большего числа гипотез и теорий. Чем богаче такое множество, тем труднее оно накладывается на дихотомический развил — внутри него действуют весьма гетерогенные, не укладывающиеся в привычную матрицу отношения. Мы поняли, что фундаментальная истина не унитарна, а по крайней мере комплементарна. А если дополнительность тут не является последним рубежом? Она очень удобна для описания дуалистического космоса. Но как ее применить в плюралистическом Универсуме? Быть может фигура Лейбница выдвинется на первый план в методологических исканиях XXI века — плюрализм все больше привлекает нас и онтологически, и ценностно. Мы все острее чувствуем, что критический разум уже не довольствуется мышлением по схеме «pro» и «contra» — ощущается потребность перейти на более гибкий язык, адекватный многомерной истине.

8. Сократ — Кант — А. А. Любищев: эти фигуры видятся в одной перспективе, ибо ярко воплощают дух рационализма с его трезвой оценкой возможностей человеческого познания. Все три мыслителя сохраняли верность идеалу единой истины. Но каждый по-своему ощутил ее недостижимость:

а) Сократ смирился с тем, что предельно общие понятия лежат за порогом однозначных дефиниций — и апеллировал к вне-рациональным аргументам типа анамнезиса;

б) И. Кант открыл, что разум, пытаясь выйти за пределы опыта, неизбежно порождает антиномии;

в) А. А. Любищев показал, что **процессная истина может быть многозначной. Мы движемся к ней с разных — подчас противоположных — сторон, все пытаясь исчерпать ее содержание. Мы дискутируем об истине. А если истина и есть дискуссия? [Выделено мною. — А. А.].** Создается ощущение, что именно такую форму она обретает в исследованиях А. А. Любищева — причем не в тех выводах, к которым они приводят, а в самом характере движения к ним. Выводы могут быть спорными в своей однозначности. Но импульс любищевской мысли не дает нам остановиться на них! Самое ценное — именно дискуссия, дух которой А. А. Любищев умеет воспроизводить и сохранять как никто другой.

(Линник Ю. В. Критический плюрализм А. А. Любищева / XIX Любищевские чтения. Т. 2. Современные проблемы эволюции. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2005, с. 181-184)

ВЗ.3 «Двигайся к цели. Но не достигай ее. Хотя бы еще год. Хотя бы один день»

Эссе Ю. Роста «По направлению к людям» (2004)¹⁰

Бог устроил все толково. Он ограничил время нахождения в пути, но не сам путь. Конечно жизнь, сказал он, но желание жить — бесконечно.

Безграничны возможности, бессмертна душа. Иди и ищи! И заметь себе: достижение цели лишено смысла. Ибо означает конец пути. Движение к цели и есть жизнь.

Чтобы ты ориентировался хоть как-то, Бог расставил столбы, на манер верстовых, что сохранились на дороге из Петербурга в Царское Село, а люди написали на них цифры, сами по себе не означающие ничего, если не учесть место или время, когда ты делал шаг.

Всякий вдох мы минуем очередную временную версту.

Кого-то достойного потеряли, кого-то доброго встретили.

Уцелели. Не утратили лица. Спасибо. А если малость добавили небесполезного к тому, что сочинили и сработали прежние, — и вовсе неплохо.

Сетования на времена и время бессмысленны, ибо отсчитываешь его ты сам. В тебе тикает. В тебе бор, и свет, и река, и ненаписанное письмо, и несотканный холст, и несрубленная изба. И твои друзья, и слезы по утратившим возможность плакать — все в тебе.

Мешает этот воздух — надыши другой. Не нравятся эти люди — наплоди славных. Механизмы барахлят — запряги лошадь, нет лошади — сам впрягись. Весело тащи возок. Возьми необходимое и хорошее — тяжело не будет.

Или вот что: распредели по карманам — и налегке. Как этот неведомый мне сван. Посох и снегоступы — немало для зимнего пути. Тот, кто истинно в дороге, да будет согрет и накормлен теми, кто истинно на дороге.

Встретишь! Только иди: вон там Дант сошел с круга и бредет в поисках тебя; здесь — Григорий Скворода с котомкой легкой мудрости, в которой ты так нуждаешься; а это Ганди, по нашему-то снегу босой, одной скатертью укутанный и ласковый. Для тебя бредут по времени Путеводители... При соединишься.

И этот, со снегоступами, тоже для тебя. Можно и за ним. По направлению к сванам. Это все равно по направлению к людям.

Двигайся к цели. Но не достигай ее. Хотя бы еще год. Хотя бы один день.
Юрий Рост

(Цит. по: Новая газета, № 7 (937), 2.02-4.02.2004)

* * *

От автора — сегодня

(несколько заключительных слов)

Автору остается сказать своему читателю: благодарю!

Тот, кто осилил все четыре тома «Драматической социологии и социологической ауторефлексии», конечно же, совершил «читательский подвиг». Признаться, я и не рассчитывал на такого усердного читателя, а лишь надеялся, что каждый взявший книгу в руки, найдет в ней кое-что для себя интересное и полезное, а «лишнее» — перелистнет.

Обозрев весь материал, вошедший в эти тома, можно усмотреть здесь переплетение трех основных тем, своего рода латентную структуру... Этими главными темами являются: общество, социология, личность. Хочется думать, что удалось уравновесить в книге названные предметы авторского интереса и привлечь читательское внимание к каждому из них в отдельности и — особенно — к их взаимосвязям (интеракция...).

Нетрудно заметить, далее, что основным способом организации материала, говоря о книге в целом, является не повествование и не логическое построение, но монтаж (мозаика?.. коллаж?..). Автор вовсе не является убежденным «постмодернистом», но так вышло, так оказалось удобным для решения поставленных здесь задач. Предметом особой заботы было то, чтобы каждый фрагмент воспринимался и сам по себе, и в ансамбле, т. е. был необходимым элементом композиции. Насколько это удалось — судить читателю.

И еще одной балансировкой аспектов был озабочен автор. Это связано с многослойностью «времен», перетекающих друг в друга: прошлое, настоящее, будущее. При этом казалось важным обеспечить органичное сочетание предьявляемых «следов» (оперативных отображений) всякой минувшей ситуации (процесса... мысли... действия...) и взгляда на эту ситуацию «из сегодня» (в известном смысле — из будущего относительно настоящего, ставшего прошлым).

Вообще же, как тут не согласиться с одним из «плодов раздумья» Козьмы Пруткова: «...Что есть лучшего? Сравнив прошедшее, свести его с настоящим...»!

...Книгу, как и жизнь, можно уподобить потоку («stream of life»). Река обычно начинается с родника, а по ходу течения разливается и наполняется, питаясь из множества притоков (и сама питая собой почву и атмосферу). Пока эта река (жизни? творчества?) не впадет, наконец, в другую реку (или в озеро, или в море...).

И последнее. Воспроизведу здесь свою же ремарку, которой завершались пилотное (2001) и основное (2003) издания тома 2 настоящей книги:

¹⁰ Юрий Михайлович Рост — публицист и мастер художественной фотографии, обозреватель «Новой газеты».

«...Автор хотел бы обратить внимание читателя на возросшую, в самое последнее время, актуальность описанного здесь жизненного случая и опыта “драматической социологии” середины 80-х.

Наше “переходное общество”, вроде бы успевшее с тех пор сменить свои устои, ныне опять на пороге перемен. И — пока — скорее “к худшему”, чем “к лучшему” (если воспользоваться формулами экспертной методики 20-летней давности).

А “человеку выживающему” в этом обществе, если наделен он способностью уважать себя как других и других как себя, вновь приходится задаваться роковым вопросом: как же все-таки жить “не по лжи”? (Пусть “другая”, но всякая ложь — это ложь).

Новые, массовые и личные, социодрамы разыгрываются на наших глазах и с нашим участием. Как всегда — лучше бы обоиться без этих вызовов судьбы или судьбе. Но коль скоро они возникают, губительно от них уклоняться...»

Исправить сегодня что-либо в вышеприведенном заявлении автору нечего. Кроме, разве что, одного: те общественные перемены «к худшему», которые четыре года назад только предугадывались, ныне уже состоялись.

Что ж, повторю вслед за Альбертом Швейцером:

«Когда меня спрашивают, кто же я, пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но мои воля и надежда оптимистичны».

Андрей Алексеев, 16.08.2005

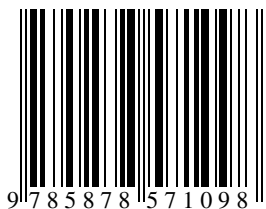
Алексеев Андрей Николаевич
Драматическая социология
и социологическая ауторефлексия

Том 4

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Технический редактор — Фофанова Н.М.
Художник — Куршева Ю.Н.
Компьютерная верстка — Барзукова Н.М.
Корректор — Калинина Н.Н.

ЛР № 063113 от 15.12.98.
Сдано в набор 12.05.2005 г. Подписано в печать 22.09.2005 г.
Формат 60x90/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonС. Усл. п.л. 33,5. Тираж 400 экз. Заказ №

ISBN 5-87857-109-9

Издательство «Норма»
192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, 37
для писем 199406, Санкт-Петербург, а/я 182
E-mail: nor@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии газеты «На страже родины»
191186 Санкт-Петербург, Дворцовая площадь, 10